

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ ИММИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФИНЛЯНДИИ

Е. Ю. Талалаева^{1, 2}

Т. С. Пронина¹

¹ Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин,
Петербургское шоссе, 10

² Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина,
392036, Россия, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Принята к публикации 18.09.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-5

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2025

Анализируется роль религии в контексте современной миграционной ситуации в Финляндии. Миграционные европейские кризисы стали вызовом национального масштаба для финского общества и способствовали появлению целого спектра проблем, связанных с интеграцией (им)мигрантов, этническая и/или религиозная принадлежность которых зачастую противопоставляется ценностно-идеологическим основам финской гражданской идентичности. Данное обстоятельство во многом способствует эскалации проявлений расизма и дискриминации в отношении мигрантов со стороны финских граждан и социальных структур. Миграционная служба Финляндии столкнулась с проблемой беспрецедентно высокого числа религиозных обращений из ислама в христианство мигрантами-мусульманами, использующими религиозную конверсию для получения убежища или отмены депортации на родину на основании риска религиозных преследований. Неоднозначность методов оценивания подлинности религиозных убеждений новообращенных христиан вызвала критику со стороны Экуменического совета Финляндии, а возрастание числа решений о депортации иностранных граждан в небезопасные районы разделило финскую общественность на сторонников принятия просителей убежища из мусульманских стран и участников антииммиграционных движений. Основываясь на анализе статистических данных и эмпирического материала, представленного в работах финских исследователей, авторы приходят к выводу, что, несмотря на проявление исламофобии в финском обществе по отношению к мигрантам с «мусульманским происхождением» и возможным негативным последствиям перехода из ислама в христианство, религиозное обращение является популярной, но далеко не всегда эффективной миграционной стратегией. В рамках проведенного исследования выявлено, что религия представляет собой важный аспект социальной консолидации и интеграции инокультурных мигрантов, однако существующая система формирования религиозной идентичности в школьном образовании во многом способствует закреплению в финском обществе противопоставления «своих» и «других» на основе этнорелигиозной принадлежности.

Ключевые слова:

Финляндия, миграционный кризис, просители убежища, депортация, религиозное обращение, этническая и религиозная идентичность, мигранты «мусульманского происхождения», дискриминация

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Этнический и религиозный аспекты иммиграционных процессов в Финляндии // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 82–98. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-5

Введение

Сравнительно с другими западноевропейскими странами в Финляндии невысокая численность иммигрантов — 461,2 тыс. чел., однако это составляет 8,3% от общей численности населения¹. На фоне демографического старения населения и снижения уровня рождаемости (в 2016 г. смертность в стране впервые превысила рождаемость) иммиграция стала проблемой национального масштаба [1, р. 75]. Вследствие европейских миграционных кризисов последних лет произошло резкое увеличение числа просителей убежища, имеющих нефинскую этническую и/или нехристианскую религиозную принадлежность, что стало вызовом для финского общества. «Христианский национализм» [2, s. 117], обнаруживающий себя и в ценностно-политической идеологии государства, и в гражданской идентичности большинства, стал одной из причин ужесточения иммиграционной политики Финляндии и пересмотра подходов к интеграции (им)мигрантов в финское общество. Обострились проявления расизма и дискриминации в отношении мигрантов, беженцев и просителей убежищ со стороны финских граждан, государственных структур и политических деятелей. Показательным в этом плане является общественно-политический резонанс, вызванный в июле 2023 г. ранее опубликованными в Интернете расистскими и антииммигрантскими высказываниями Риикки Пурра² — заместителем премьер-министра и министром финансов Финляндии, а также председателем партии «Истинные финны» (*Perussuomalaiset*). Ее отказ уйти в отставку, согласно опросу, проведенному среди финского населения, поддержали 40% респондентов³.

Увеличение числа решений Миграционной службы Финляндии о депортации иностранных граждан разделило финнов на сочувствующих мигрантам и противников предоставления убежища. Это стало одной из причин возникновения специфического феномена — беспрецедентно высокого числа обращений мигрантов-мусульман в христианство. Поскольку зачастую просители убежища используют религию в качестве основания для отмены их высылки из страны, возникла проблема методов оценивания подлинности их религиозных убеждений. Важность религиозной идентификации отчетливо проявилась на фоне вооруженного конфликта на территории Украины, продемонстрировавшего очевидные различия между разными категориями мигрантов в Финляндии.

Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев с марта 2022 г. в Европе зарегистрировано 5 982 900 украинских беженцев⁴, среди которых 66 749 запросили убежище в Финляндии⁵. Однако в отличие от миграционной ситуации 2015 г., когда Миграционной службой было зафиксировано 32 477 запросов на предоставление убежища (из них 20 484 подали граждане Ирака,

¹ Migration and migrant population statistics, 2024, *Eurostat*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 02.04.2024).

² Finnish far-right finance minister accused of racist online comments, 2023, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/11/finnish-far-right-finance-minister-riikka-purra-accused-of-racist-online-comments> (дата обращения: 02.04.2024).

³ MTV:n kysely: Riikka Purra pitäisi erota, sanoo 47 prosenttia vastaajista, 2023, *MTV Uutiset*, URL: <https://www.mtvuutiset.fi/artikkeli/mtv-n-kysely-riikka-purra-pitaisi-erota-sanoo-47-prosenttia-vastaajista/8741180#gs.3bl5oh> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Ukraine Refugee Situation, 2024, *The United Nations High Commissioner for Refugees*, URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ International protection, Applications 3/2033—2/2024, 2024, *Finnish immigration service*, URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#applications/23330?l=en&start=626> (дата обращения: 02.04.2024).

5214 — Афганистана, 1981 — Сомали и 877 — Сири)¹, данное событие не рассматривалось как «кризис беженцев» и не вызвало всплеск негативных настроений². Напротив, в странах Северной Европы представители правых партий приветствовали прибывших украинцев. В частности, Риikka Пурра провела различие между беженцами с Ближнего Востока и Украины, пояснив, почему последние заслуживают финского гостеприимства и оказания помощи³. Так, по мнению Пурра, украинских беженцев выгодно отличает европейское происхождение и принадлежность к христианству, в их число в основном входят женщины и дети и, что самое главное, их пребывание на территории Финляндии носит временный характер⁴. Это объяснение, во многом расцененное рядом исследователей как расистское и исламофобское [3, р. 256], ярко иллюстрирует современную североευропейскую миграционную политику.

Однако политические процессы вносят коррективы в готовность финского общества «быть гостеприимным» по отношению ко всем христианам. Так, вследствие осложнения межгосударственных отношений подверглись дискриминации граждане Российской Федерации. С октября 2022 г. финские власти ввели ограничения и последующий запрет на въезд российских граждан, несмотря на то, как отмечает В. Войников, что «факт участия РФ в вооруженном конфликте не является достаточным основанием для введения дискриминации в отношении всех россиян и квалификации их в качестве носителей потенциальной угрозы безопасности» [4, с. 29]. В ноябре 2023 г. Финляндия фактически закрыла сухопутную границу с Россией, объяснив свое решение серьезной угрозой национальной безопасности из-за «наплыва» на восточные пограничные пункты нескольких сотен просителей убежища из стран Африки, использующих Россию как транзитную территорию.

Теоретико-методологическая база исследования

В фокусе проведенного исследования находятся просители убежища в Финляндии, иммигрировавшие вследствие неблагоприятной социально-политической обстановки из стран, где большинство жителей исповедуют ислам. Данная категория мигрантов наиболее уязвима перед проявлениями расизма и дискриминации в финском обществе, а лица, религиозная и этническая идентичность которых определяется как мусульмане, встречают на пути интеграции значительные препятствия. В данном контексте расизм рассматривается в соответствии с теорией финского социолога Веса Пууронена, согласно которой доминирующая в современном мире форма расизма основывается прежде всего на культурных различиях [5, с. 56—57]. Согласно мнению Пууронена, «старый» расизм, основанный на идее биологического превосходства одних этнических рас над другими, постепенно вытесняется идеями «нового» культурного расизма, в рамках которого западные культуры рассматриваются как отсталые, консервативные и вступающие в противоречие с западными ценностями.

Кроме того, в теоретическую основу исследования легли работы, изучающие особенности адаптации мигрантов в финской социальной среде [6—9], и контекст

¹ International protection, Applications 1/2015—12/2015, 2024, *Finnish immigration service*, URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#applications/23330?l=en&start=626> (дата обращения: 02.04.2024).

² Для сравнения: в 2014 г. число просителей убежища составило чуть более 3000.

³ Muhonen, T. 2022, Ukrainasta pakenevat ovat aivan eri asia kuin Lähi-idästä tulevat “elintasosiirtolaiset”, sanoo perussuomalaisen Riikka Purra, *Helsingin Sanomat*, URL: <https://www.hs.fi/politiikka/art-2000008700536.html> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Temporary protection for those fleeing Ukraine, 2023, *Finnish immigration service*, URL: <https://migri.fi/en/temporary-protection> (дата обращения: 02.04.2024).

формирования стереотипов об этнорелигиозной идентичности мигрантов-мусульман [10—12]. В данной связи особый интерес представляет специфика формирования религиозной идентичности в финской школьной программе образования [13; 14]. Особое внимание уделяется процедурам, связанным с депортацией иностранных граждан [15—17], деятельности сторонников предоставления убежища и антииммиграционных движений [18; 19], а также проблеме предоставления убежища новообращенным христианам из числа мигрантов мусульман [20; 21]. Значительный интерес представляет блок исследований, посвященных изучению религиозного обращения мигрантов из ислама в христианство в мировом [22—24] и финском [25] контекстах.

Источниковая база исследования представлена материалами собеседований с просителями убежища, беженцами и финскими гражданами по изучаемым проблемам, опубликованными в работах финских исследователей, а также документами, регулирующими правовые аспекты иммиграционных и интеграционных процессов в стране. Основным законодательным актом, помимо Конституции Финляндии 1999 г., регулирующим все вопросы, связанные с миграцией, является закон «Об иностранцах» 2004 г. (в ред. 389/2023), цель которого — «управление миграцией и обеспечение международной защиты с соблюдением основных прав человека и учетом международных соглашений, имеющих обязательную силу для Финляндии»¹.

Методология исследования основывается на анализе статистических данных, в том числе о конфессиональном составе населения Финляндии, и информации о численности просителей убежища и депортируемых граждан, опубликованной Миграционной службой.

На основе проведенного исследования предполагается обосновать значение этнического и религиозного факторов для миграционных и интеграционных процессов в финском обществе: этническая и религиозная принадлежности имеют существенное значение для самоидентификации как мигрантов, стремящихся интегрироваться в принципиально новую социальную и правовую среду, так и финских граждан, отстаивающих свои национальные интересы; однако рост числа религиозных обращений, которые иммигранты используют как стратегию легализации своего статуса в новой стране, выявил противоречивую роль религиозного фактора.

Дискриминация и расизм в финском обществе

Для стран Европейского союза основным документом, определяющим общий вектор интеграционной политики, является «План действий по интеграции и инклюзивности на 2021—2027 годы»². Данный документ представляет собой руководство по интеграции и включению мигрантов и беженцев в принимающее общество, где особое внимание уделено противодействию дискриминации лиц с иммигрантским происхождением. Дискриминация является актуальной проблемой для современного европейского общества и может как основываться исключительно на статусе мигранта, так и усугубляться его этнической принадлежностью или религиозными убеждениями³. Министерство внутренних дел Финляндии при разработке

¹ Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included), Section 1. Objectives of the Act, *Ministry of the Interior*, URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301_20230389.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

² Action plan on Integration and Inclusion 2021-2027, 2020, *European Commission*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0758&qid=1632299185798> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Ibid. P. 7.

и пересмотре национальной миграционной стратегии руководствовались основными принципами данного плана, что позволяет в целом рассматривать финскую интеграционную политику как инклюзивную и антидискриминационную.

Согласно данным Индекса политики по интеграции мигрантов (MIPEX) Финляндия входит в десятку мировых лидеров. Эффективность финской миграционной политики оценивается в 85 баллов, а один из ключевых показателей — «антидискриминация» — достигает максимальной отметки¹. Однако в «Докладе правительства о необходимости реформирования содействия интеграции» 2021 г. подчеркивается необходимость усиления интеграционных мер и признается, что расизм и дискриминация не только существуют в финском обществе по отношению к мигрантам, но значительно препятствуют их успешной интеграции². При этом первые проявления расизма обнаруживаются уже на уровне школьного образования и в дальнейшем фиксируются во всех сферах жизни, включая образование, рынок труда и сферу психического здоровья³. Как показывают исследования данного вопроса (напр., [6, р. 4]), независимо от степени инклюзивности интеграционной политики осуществляемые в ее рамках практики акцентируют внимание на отличиях беженцев и мигрантов от местного населения, позиционируют их как «других» по этническим, культурным или религиозным критериям.

В исследовании закрепившихся в общественном сознании стереотипов, связанных с темой миграции, дискриминации и расизма в финском обществе, группой финских ученых были выявлены три основные категории мифов⁴ в отношении мигрантов [7, р. 8—14]. Прежде всего это мифы о том, что мигранты отличаются от большинства финнов в худшую сторону — менее образованы, не хотят ассимилироваться, склонны к иждивенческому образу жизни, к криминализации и т.п. Такой подход способствует не только расколу общества на группы «мы» и «другие» — последние с коннотацией «чужие», но и экстраполирует негативные стереотипы, бытующие в массовом сознании в связи с определенным этническим и/или религиозным меньшинством, на всех его членов. Такие мифологизированные предубеждения используются в публичных дискурсах для оправдания различных ограничений в отношении мигрантов. Согласно второму мифу дискриминация и расизм не представляют собой значимой социальной проблемы — дискриминация мигрантов является неотъемлемой частью обычной жизни. Такая на первый взгляд нейтральная оценка снимает ответственность с принимающего общества за ее возникновение и необходимость бороться с ее проявлениями.

Третий миф имеет противоположную аргументацию и представляет мигрантов в качестве обособленной группы, занимающей привилегированное положение в обществе по сравнению с большинством финнов. В частности, этот миф питается информацией о различных льготах, пособиях, предоставляемых государством беженцам не за какие-то заслуги, работы, а просто за их статус. Подобные аргументы активно используются для оправдания расистских настроений в обществе идеоло-

¹ The Migrant Integration Policy Index. Finland, 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/finland> (дата обращения: 03.04.2024).

² Valtioneuvoston selonteko kotoutumisen edistämisen uudistamistarpeista, p. 36, 2021, *Valtioneuvosto*, URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163237/VN_2021_62.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

³ Ibid. P. 36—37.

⁴ Под мифами здесь подразумеваются многочисленные ложные представления, подающиеся как общеизвестные факты и выступающие в противовес критически обоснованному пониманию реальных социальных проблем, сопутствующих процессам (им)миграции и интеграции мигрантов в финском обществе.

гами финского антииммиграционного политического движения, основанного на представлении беженцев как «экономических мигрантов», «серферов, стремящихся к более высокому уровню жизни» [26].

Несмотря на то что правовое определение понятия и статуса беженца зафиксировано в ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.¹ и подтверждено финским Законом «Об иностранцах»², его интерпретация осуществляется на национальном уровне, отражая постоянно трансформирующиеся государственные и политические интересы [27, р. 51]. Так, понятие «мигрант» ассоциируется с «добровольной» или «экономической» миграцией в отличие от понятия «беженец», с которым связан «принудительный» или «политический» характер перемещения³. Данные понятия активно эксплуатируются в политической повестке и зачастую интерпретируются в соответствии с приоритетами различных государственных и политических структур. Если среди стран Северной Европы иммиграционная политика Дании традиционно являлась самой жесткой, а Швеция придерживалась в этом плане наиболее либерального подхода [28, с. 82], то Финляндия всегда занимала промежуточное положение [17, с. 2]. Однако в последние годы националистически ориентированным партиям удалось актуализировать антииммиграционную и националистическую идеологию в финском обществе [29], а отдельные аспекты антииммиграционного дискурса были включены в политические программы либеральных и левоцентристских партий. Все это способствовало ужесточению государственной миграционной политики, в частности, резкое возрастание числа просителей убежища ожидаемо повлекло за собой увеличение числа решений о депортации иностранных граждан, которым было отказано в получении статуса беженца. Данное обстоятельство вызвало серьезные разногласия в финском общественно-политическом дискурсе, мнения граждан разделились на противоположные: от противников предоставления убежища до сострадания к депортируемым.

Протесты против депортации просителей убежища: обоснование «Права на жизнь»

С 2015 г. в Финляндии было зарегистрировано 10 481 решение о депортации и 3469 решений об отмене депортации⁴. Для примера, за данный промежуток времени было депортировано 1166 граждан из Ирака, 397 — из Сомали и 202 — из Афганистана (и соответственно 432, 104, 154 решения об отмене депортации). Однако депортация представляет собой дорогостоящую, долговременную и нередко спорную процедуру, которую в значительной мере осложняют юридические

¹ Согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. под термином «беженец» подразумевается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений» (Конвенция о статусе беженцев 1951, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.04.2024)).

² Согласно п. 11 ст. 3 Закона «Об иностранцах» «беженец — иностранец, отвечающий критериям, установленным ст. 1 Конвенции о статусе беженцев» (*Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included)*, 2023, *Ministry of the Interior*).

³ Apostolova, R. 2015, Of Refugees and Migrants: Stigma, Politics, and Boundary Work at the Borders of Europe, *American sociological association culture section*, URL: <https://asaculturesection.org/2015/09/14/of-refugees-and-migrants-stigma-politics-and-boundary-work-at-the-borders-of-europe/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Deportation Decisions 1/2015—2/2024, 2024, *Finnish immigration service*, URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#decisions/23332/52?l=en&start=540> (дата обращения: 02.04.2024).

препятствия для возвращения беженцев в потенциально небезопасные районы. Это приводит к значительному разрыву между количеством решений о депортации и фактической высылкой людей из страны [17, с. 2]. Несмотря на признание Афганистана, Сомали и Ирака полностью безопасными территориями с мая 2016 г., многие беженцы из этих стран после отказа в предоставлении убежища продолжают нелегально¹ находиться в Финляндии [18, с. 152].

Кроме того, активизировались протесты просителей убежища против ужесточения условий предоставления убежища и депортаций, по мнению протестующих, противоречащих принципу невыдворения². Первым широкомасштабным политическим протестом стала акция «Право на жизнь» [19, р. 981], начатая осенью 2015 г. иракскими и афганскими просителями убежища, прибывшими в Финляндию на пике миграционного кризиса. Несмотря на невысокую численность участников протеста — около 100 чел., данное событие получило широкую огласку и привело как к демонстрациям поддержки, так и к контрдемонстрациям и преследованию протестующих просителей убежища. В частности, в противовес движению «Добро пожаловать беженцам», состоящему из финских волонтеров, помогающих принимать просителей убежища [16, с. 135], мобилизовались антииммигрантские движения. Большинство из них, такие как «Солдаты Одина», движение «Закрытые границы» и др., прочно ассоциируют миграционные процессы с национальной угрозой и стремятся защитить свою родину от «исламизации», «культурного вторжения» и «угроз терроризма» путем закрытия государственных границ [12, с. 135].

Среди основных требований участников протеста «Право на жизнь» числилась приостановка депортаций, законность решений по которым вызывала сомнения из-за вероятной некомпетентности переводчиков и персонала Миграционной службы Финляндии, значительно расширенного осенью 2015 г. Данное подразделение Министерства внутренних дел является основной государственной структурой, регулирующей все вопросы и принимающей окончательные решения в сфере предоставления убежища, вида на жительство и депортации. При этом решения о депортации иностранного гражданина, согласно Закону «Об иностранцах», возможно принять при «достаточном основании подозревать, что он или она может совершить преступление»³. Кроме того, для просителей убежища было сильно ограничено предоставление бесплатной юридической помощи на собеседованиях по предоставлению убежища и сокращено время подачи апелляции в административный суд с 21 до 14 дней, тогда как обычные сроки апелляции в Финляндии составляют 30 дней [18, р. 987]. Таким образом, сторонники протестов просителей убежища стремились обратить внимание государственных властей на очевидные проявления дискриминации и нарушение прав человека в отношении просителей убежищ.

Другим неоднозначным аспектом предоставления убежища является оценка обоснованности опасений иностранного гражданина подвергнуться преследованиям на родине. С одной стороны, в Законе «Об иностранцах» подчеркивается,

¹ В 2017 г. в Финляндии было выявлено 2300 нелегальных мигрантов, преимущественно граждан Эстонии (331 чел.), России (291 чел.) и Ирака (171 чел.). International Migration 2017–2018 — Report for Finland, 2018, *Ministry of the Interior*, URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161174/25_2018_International_Migration_2017-2018.pdf?sequence=4 (дата обращения: 02.04.2024).

² Статья 33 — Запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения (в страны, из которых они прибыли), Конвенция о статусе беженцев 1951, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

³ Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included), Section 148. Grounds for denial of admittance or stay, 2023, *Ministry of the Interior*.

что не имеет значения, действительно ли проситель убежища обладает расовой, религиозной, социальной или политической характеристикой, которая влечет за собой преследование, если сторона преследования полагает, что заявитель обладает такой характеристикой¹. С другой стороны, проситель убежища должен представить «обоснованные опасения стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений»² в стране своей гражданской принадлежности. Формально процесс оценивания достоверности можно разделить на три уровня [15, р. 7]. Первый — внутренняя достоверность, которая подразумевает целостность, подробность и логичность рассказа лица, ищущего убежище. Второй — внешняя достоверность, основывающаяся на сравнении с внешними фактами — ситуацией в стране происхождения, предоставленными документами. И третий уровень — социальная достоверность, которая применяется для выявления социальной и культурной перспектив интеграции просителя убежища при рассмотрении его рассказа. Такая необходимость «обоснования достоверности» стала одной из причин того, что мигранты-мусульмане (преимущественно из Ирака и Афганистана) выбрали формальный отказ от своей религии в пользу доминирующих в финском обществе религиозных убеждений для расширения собственной перспективы получения убежища и последующей успешной интеграции в новый социум.

Религиозное обращение как современная миграционная стратегия

Специфическая ситуация с религиозной конверсией как стратегией легализации в новой стране требует отдельного рассмотрения. В 2017 г. обращение в христианство стало наиболее распространенным основанием для подачи апелляции в административные суды Финляндии после принятия решения о депортации³, так как смена религиозных убеждений могла грозить по возвращении мигрантов на родину преследованиями вплоть до смертной казни. Несмотря на отсутствие официальной статистики по запросам предоставления убежища на основании перехода в другую веру, по оценкам Миграционной службы, они составили около 70 % из 7500 поданных апелляций [21, р. 2]. Собеседники, проходящие интервью при исследовании процесса депортации иракских беженцев в Ирак, утверждали, что в пунктах приема беженцев, социальных сетях и на улицах активно распространялись слухи, согласно которым Финляндия предоставляет убежище только лицам, принявшим христианство или оправдывающим заявление своей сексуальной ориентацией [20, s. 257—258]. Однако смена одним из участников исследования своих религиозных убеждений и обращение в христианство, чтобы остаться в Финляндии, не помогли ему получить положительное решение о предоставлении убежища. Данный пример показывает, что проситель убежища далеко не всегда может подтвердить подлинность своих религиозных убеждений при доказательстве достоверности оснований для подачи апелляции на решение о его высылки из страны. Тем не менее все боль-

¹ Aliens Act (301/2004; amendments up to 389/2023 included), Section 87b (422/2014). Reasons for persecution, 2023, *Ministry of the Interior*.

² Конвенция о статусе беженцев 1951, *Организация Объединенных Наций*, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

³ Statistics for 2017: Clearly less asylum seekers than the year before — over 2,100 asylum seekers submitted their first application, 2018, *Finnish Immigration Service*, URL: https://migri.fi/-/vuo-den-2017-tilastot-turvapaikanhakijoita-selvasti-edellisvuosia-vahemman-ensimmais-hakemuk-sen-jatti-reilut-2-100-hakijaa?languageId=en_US (дата обращения: 02.04.2024).

ше просителей убежища, прибывших из стран с преобладающей мусульманской культурой, выразили желание присоединиться к финской Евангелической лютеранской церкви (ЕЛЦ).

В Финляндии большинство населения — 65,2% — принадлежит к ЕЛЦ¹. Несмотря на то что за последние двадцать лет численность ее последователей снизилась на 20% (согласно статистическим данным на такой же процент увеличилось число неверующих в стране)², ЕЛЦ по-прежнему является самой влиятельной религиозной организацией в стране, статус которой определен конституционным законом «О церкви»³. Действующая Конституция Финляндии устанавливает свободу вероисповедания и совести⁴, сохраняя при этом традиционно прочные отношения между государством и ЕЛЦ. Данный факт указывает на значимость религиозного аспекта при формировании гражданской идентичности финнов, несмотря на высокий уровень секуляризации в стране. Кроме того, этим обуславливается привлекательность ЕЛЦ среди других христианских организаций для мигрантов-мусульман, решившихся обратиться к процедуре религиозной конверсии в надежде на повышение собственных шансов официально получить статус беженца и впоследствии успешно интегрироваться в финское общество. Однако все проблемы, связанные с практикой предоставления убежища иностранным гражданам и их депортацией, зарегистрированные в стране христианские церкви решают на платформе Экуменического совета Финляндии. Совет представляет собой форум, на котором вопросы, связанные с мигрантами и беженцами, обсуждаются на национальном и европейском уровнях при участии представителей Комиссии церквей по делам мигрантов в Европе.

Впервые Экуменический совет поднял вопрос об обращении в христианство лиц, ищущих убежище, в октябре 2016 г. в одной из четырех рекомендаций для «Национального плана действий в области основных прав человека на 2017—2019 гг.»: «Иммиграционные власти с подозрением относятся к обращению в другую веру, что вынуждает новообращенных проходить тест на религию, дающий недостоверные результаты. Процесс проверки убеждений, на основании которой решается, действительно ли человек христианин, является дискриминационным и противоречит свободе вероисповедания, а нынешняя форма экзамена не служит первоначальной цели — исследованию оснований для предоставления убежища» (цит. по: [21, р. 6]). Таким образом, полномочия государственных властей принимать решения об искренности религиозных убеждений находятся в противоречии с основными правами и свободами человека. Но сложность ситуации состоит в том, что религиозные убеждения становятся достаточным основанием для решения финских властей о предоставлении убежища или об отмене депортации только тогда, когда их подлинность может быть доказана.

Попытка миграционных властей «оценить подлинность религиозных убеждений» встретила сопротивление со стороны финских христианских общин. Глава ЕЛЦ архиепископ Финляндии Тапио Луома в своем интервью для Всемирной лютеранской федерации выразил озабоченность безопасностью и свободой веро-

¹ Population and society, Population structure on 31 December 2022, Religion, 2023, *Statistics Finland*, URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html#Applicants%20for%20asylum (дата обращения: 02.04.2024).

² Ibid.

³ The Constitution of Finland 11 June 1999 (731/1999, amendments up to 817/2018 included), Section 76. The Church Act, *Ministry of Justice, UNHCR*, URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1999/en/86918> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ The Constitution of Finland 11 June 1999 (731/1999, amendments up to 817/2018 included), Section 11. Freedom of religion and conscience, *UNHCR*, URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1999/en/86918> (дата обращения: 02.04.2024).

исповедания депортированных беженцев и просителей убежища¹. Также он кратко резюмировал открытое письмо, подписанное в августе 2019 г. лидерами всех церквей, входящих в Экуменический совет Финляндии, и обращающее внимание финских государственных властей на две основные проблемы. Во-первых, помимо того что лицам, получившим отрицательное решение в предоставлении убежища, предстоит возвращаться в небезопасные районы, многие из них попадают под риск преследования вследствие обращения в христианство. Во-вторых, само оценивание того, является ли обращение в религию подлинным, или оно мотивировано желанием получить убежище, представляет собой проблему. Церковь обеспокоена отсутствием у светских властей соответствующего опыта в религиозной и культурной сферах для вынесения объективного решения. В то же время не уделяется должного внимания мнению экспертов и представителей приходов, в которых просители убежища приняли крещение. Кроме того, ЕЛЦ заинтересована в привлечении в свои ряды новых членов на фоне секуляризации финского общества и сокращающейся численности ее прихожан.

Религиозная идентичность в финском обществе

За последние десятилетия во всем мире наблюдается беспрецедентный рост числа обращенных из ислама в христианство, однако оценить их точное число не представляется возможным. В частности, такая ситуация сложилась из-за неоднозначности самоидентификации новообращенных христиан. Например, на Ближнем Востоке мусульмане, обращенные в христианство, зачастую избегают термина «христианин», предпочитая идентифицировать себя как «верующий мусульманского происхождения» (Muslim-background Believer) или «мусульманин — последователь Христа» (Muslim Follower of Christ) [22, p. 3]. В Финляндии, как и в большинстве стран Северной Европы, напротив, новообращенные мигранты должны четко продемонстрировать смену своих религиозных убеждений, если они хотят получить убежище из-за опасения религиозных преследований на родине. Следовательно, для того чтобы их новая религиозная идентичность была признана светскими властями, она должна исключать любую двусмысленность в разрыве с прежней религией.

В связи с этим особую важность приобрела разноплановая работа христианских церквей с просителями убежища, которые намерены прибегнуть к религиозному обращению как к миграционной стратегии, позволяющей им остаться на территории принимающей страны. В частности, христианские церкви не только взяли на себя обязательства противостоять расизму и дискриминации², но и закрепили в церковных уставах рекомендации по разъяснению мусульманам возможных последствий крещения как в стране происхождения, так и в принимающем обществе [24]. При этом желающих перейти из ислама в христианство предупреждают, что открытое заявление об их новой религиозной принадлежности также может угрожать их родственникам, оставшимся на родине [25, p. 166].

С другой стороны, несмотря на главенство демократических ценностей в западных странах, новообращенные иммигранты «мусульманского происхождения» могут быть подвержены исламофобии из-за прочной ассоциации ислама с их этнической принадлежностью [23]. Хотя мусульманские религиозные организации и мечети в Финляндии играют значимую роль в процессах интеграции, создании по-

¹ Finnish church: an integral part of society, 2019, *The Lutheran World Federation*, URL: <https://lutheranworld.org/news/finnish-church-integral-part-society> (дата обращения: 02.04.2024).

² Migration, 2024, *Evangelical Lutheran Church of Finland*, URL: <https://evl.fi/en/our-work/our-policies/migration/> (дата обращения: 02.04.2024).

ложительного образа мигрантов и формировании их идентичности [8, р. 94], в финском обществе широко распространены опасения роста экстремизма и радикализации среди мусульман. Данные опроса общественного мнения «Исследовательским центром Пью» на тему «Быть христианином в Западной Европе» показывают, что большинство финнов — 62 % — полагают «ислам в корне несовместимым с культурой и ценностями их страны»¹. Это является самым высоким показателем среди западноевропейских стран. Такая ситуация сложилась во многом благодаря тому, что религия в современном мире стала основным элементом идентичности иммигрантов. При этом именно принадлежность к религиозной общине, а не государственные институты, играет для них решающую роль в интеграционных процессах [11, с. 8]. Данное обстоятельство привело к формированию трех широко распространенных заблуждений [10, р. 20]:

1) если мигранты прибыли из стран, где ислам — доминирующая религия, они должны быть мусульманами несмотря на то, что в действительности могут оказаться последователями любой другой религии или атеистами;

2) все мигранты не только мусульмане, но и все они «одинаковы», вне зависимости от многочисленных социальных различий, приверженности разным течениям в исламе и личных убеждений верующих;

3) одновременное перемещение значительного числа мигрантов и эскалация международного экстремизма (стереотипно связанного с исламом) привели к ситуации, когда «мигрант» означает «мусульманин», а «мусульманин» приравнивается в общественном сознании к «террористу».

В рамках содействия интеграции мигрантов «мусульманского происхождения» и для преодоления их отчуждения от общества вследствие сложившихся заблуждений Министерство образования и культуры Финляндии включило в образовательную школьную программу уроки по изучению ислама наравне с другими религиозными традициями [9, с. 221].

Финская иммиграционная политика рассматривает образование как важный шаг к интеграции [14, р. 82]. В частности, школьное образование в Финляндии является национальным проектом, важной составляющей которого выступает христианство. Несмотря на то что религия не играет значительной роли в повседневной жизни большинства финнов, лютеранские традиции стали неотъемлемой частью финской культуры и системы образования. Они активно пропагандируются школами, где уроки религии для всех обязательны [13, р. 4].

Большинство учеников посещают уроки религии, на которых преподается учение ЕЦК как доминирующей религиозной организации в стране с наибольшим числом последователей. Дети, семьи которых не принадлежат к лютеранской церкви, на выбор могут присоединиться к этим занятиям, посещать уроки светской этики или уроки религии, которую исповедует их семья, если об этом просят не менее трех учеников из класса (в основном третью группу составляют мусульмане).

Однако наиболее заметными религиозные различия среди школьников становятся не при распределении детей в классе на разные уроки религии, а при проведении христианских мероприятий в школе. В частности, в финских школах отмечаются различные христианские праздники, во время которых детям-нехристианам предоставляется альтернативная программа [13, р. 8]. Именно такой подход акцентирует внимание на религиозном происхождении каждого ученика, противопоставляя тем самым «лютеран» и «других». Учитывая, что большинство христиан других

¹ Being Christian in Western Europe, Western Europeans divided over whether Islam is compatible with national values, 2018, *Pew Research Center*, URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2018/05/29/nationalism-immigration-and-minorities/> (дата обращения: 02.04.2024).

конфессий предпочитают посещать мероприятия, организованные лютеранской церковью [13, р. 9], то все дети оказываются условно разделены на «христиан» и «других».

Таким образом, религия является важным инструментом идентификации в школьной среде, где образовательная программа подчеркивает религиозные различия и поощряет учеников определять свою религиозную идентичность, даже если они происходят из светской семьи. Кроме того, в финском контексте именно иностранец-нелютеранин становится «другим», что во многом способствует отождествлению этнической и религиозной идентичностей в финской обществу.

Заключение

Европейские миграционные кризисы оказали существенное влияние на интеграционную и иммиграционную политику европейских государств. Однако для финского общества, преимущественно однородного в плане этнической, культурной и религиозной принадлежности его граждан, необходимость принять и интегрировать значительный поток просителей убежища с другой этнорелигиозной идентичностью стала проблемой национального уровня. Несмотря на следование финских властей общеевропейским политическим принципам инклюзивности и антидискриминации в отношении мигрантов, общество условно разделилось на сторонников «гостеприимства» в отношении беженцев и поддерживающих националистические антииммиграционные движения. Показательно, что большинство проявлений расизма со стороны как государственных структур и политических партий, так и финских граждан осуществляется в отношении ближневосточных и африканских мигрантов. В отличие от украинских беженцев они в общественном сознании стереотипно ассоциируются с исламским радикализмом и воспринимаются как потенциальная угроза общественной безопасности.

Несмотря на проявления исламофобии и значительное повышение процента решений об отказе в предоставлении убежища и депортаций на родину, большинство мигрантов из мусульманских стран проявили стремление остаться в Финляндии. В качестве основания ходатайства о предоставлении убежища или апелляции в финские административные суды в случае уже полученных решений о депортации многие выбрали переход из ислама в христианство даже в случае возможных негативных последствий религиозного обращения. Данная миграционная стратегия повлекла за собой целый спектр социальных проблем: от неоднозначности оценивания миграционной службой искренности религиозных убеждений новообращенных христиан с «мусульманским происхождением» до препятствий к их успешной интеграции или ассимиляции из-за этнической принадлежности. Важно отметить, что далеко не всегда Экуменическому совету удалось отстоять право новых членов христианских церквей получить убежище на основании риска преследования по религиозному признаку.

Религия является одним из основных аспектов интеграционных процессов в финском обществе, а религиозная идентичность активно формируется и закрепляется уже в школьной образовательной среде. Идентификация по религиозному признаку играет значительную роль как для финских граждан-христиан (лютеран), так и для беженцев-мусульман или новообращенных христиан с «мусульманским происхождением». Государство, исламские и христианские религиозные организации предпринимают много усилий по интеграции в финское общество лиц с другой религиозной и/или этнической идентичностью. Тем не менее в общественном сознании по-прежнему отчетливо прослеживается противопоставление «мы» и

«другие», в отношении последних — с негативной коннотацией. Оно связано как со стереотипным мышлением большинства финских граждан в отношении мигрантов из определенных стран, так и с оборотной стороной интеграционной политики финских властей, закрепляющей восприятие «своих» и «чужих» в разных сферах жизнедеятельности социума.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона».

Список литературы

1. Heino, H., Jauhiainen, J. S. 2020, Immigration in the Strategies of Municipalities in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 3, p. 73—89, <https://doi.org/10.33134/njmr.345>
2. Koiranen, I., Äystö, T., Kyyrö, J., Ahonen, T., Hjelm, T. 2023, Kristillisestä valtiosta kulttuuriseen kristillisyyteen: Kristillinen nationalismi 2020-luvun Suomessa, in: Kuivala, P., Sevillano, A. (eds.), *Kristinusko ja nationalismi: Kristendom och nationalism*, № 113, Helsinki, Suomen kirkkohistoriallinen seura, p. 96—129.
3. Näre, L., Abdelhady, D., Irastorza, N. 2022, What Can We Learn from the Reception of Ukrainian Refugees?, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 255—258, <https://doi.org/10.33134/njmr.620>
4. Войников, В. 2023, Ограничения на въезд российских граждан в страны ЕС: политические и правовые аспекты, *Современная Европа*, № 3, с. 20—32, <https://doi.org/10.31857/S0201708323030026>
5. Puuronen, V. 2011, *Rasistinen Suomi [Racist Finland]*, Helsinki, Gaudeamus.
6. Masoud, A., Kurki, T., Brunila, K., Holm, G. 2023, Racialised Integration: Arabic-Speaking Refugees and Immigrants' Experiences on the Paradoxes of Integration, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 1, <https://doi.org/10.33134/njmr.543>
7. Ryyänänen, S., Nortio, E., Varjonen, S. 2024, 'They Actually do Get More Money': Using Myths in Justifying Hierarchies in Ethnic Relations, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.600>
8. Martikainen, T. 2014, Muslim immigrants, public religion and developments towards a post secular Finnish welfare state, *Scandinavian Journal of Islamic Studies*, vol. 8, № 1, p. 98—105, <https://doi.org/10.7146/tifo.v8i1.25324>
9. Сливкина, В. А. 2023, Проблема интеграции мигрантов-мусульман в Италии и Финляндии, *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, № 3, с. 214—227, https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_214
10. Wilson, E. K., Mavelli, L. 2019, The refugee crisis and religion: an overview, in: Petersen, M. J., Jensen, S. B. (eds.), *Faith in the system? Religion in the (Danish) asylum system*, Aalborg Universitetsforlag, p. 19—25.
11. Пронина, Т., Талалаева, Е. 2023, Миграция и религия: основные направления исследований, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 41, № 2, с. 7—29, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-7-29>
12. Виркунен, Й., Гаджимурадова, Г. И. 2018, Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии, *Современная Европа*, № 5 (84), с. 131—141, <https://doi.org/10.15211/soveurope52018131141>
13. Korpela, M. 2024, 'Where Should the Orthodox Christian Go?' Distinctions Based on Religion and Language in a Finnish International School, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 4, <https://doi.org/10.33134/njmr.607>
14. Zacheus, T., Kalalahti, M., Varjo, J., Saarinen, M., Jahnukainen, M., Mäkelä, M.-L., Kivirauma, J. 2019, Discrimination, Harassment and Racism in Finnish Lower Secondary Schools, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 9, № 1, p. 81—98, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0004>

15. Bodström, E. 2020, 'Because Migri Says So': Legitimation in Negative Asylum Decisions in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 2, p. 5—19, <https://doi.org/10.33134/njmr.134>
16. Pirkkalainen, P., Näre, L., Lyytinen, E. 2022, 'I do not trust any of them anymore': Institutional distrust and corrective practices in pro-asylum activism in Finland, *Current Sociology*, vol. 72, № 3, <https://doi.org/10.1177/00113921221129313>
17. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Emotions and Affect in Deportation: The Transformative Power of Social Relationships, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.714>
18. Шлапеко, Е. А., Кондратьева, С. В. 2021, Миграция как вызов национальной безопасности: проблемы адаптации просителей убежища (опыт г. Торнио, Финляндия), *Вестник Томского государственного университета*, № 466, с. 150—157, <https://doi.org/10.17223/15617793/466/18>
19. Näre, L. 2020, 'Finland kills with a pen' — asylum seekers' protest against bureaucratic violence as politics of human rights, *Citizenship Studies*, vol. 24, № 8, p. 979—993, <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1769559>
20. Gadd, K., Al-Jouranj, H., Pirjatanniemi, E. 2022, Maasta poistamisen oikeudelliset edellytykset ja irakilaisten kokemukset paluusta Irakiin, in: Pirkkalainen, P., Lyytinen, E. (eds.), *Suomesta poistetut: Näkökulmia karkotuksiin ja käännytyksiin*, Vastapaino, p. 247—270, <https://doi.org/10.58181/VP9789517689960>
21. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Deportability of Christian Converts and the Controversy Over Faith in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 4, <https://doi.org/10.33134/njmr.586>
22. Miller, D., Johnstone, P. 2015, Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census, *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, vol. 11, 10.
23. Marti, G. 2016. 'I Was a Muslim, But Now I Am a Christian': Preaching, Legitimation, and Identity Management in a Southern Evangelical Church, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 55, № 2, p. 250—270, <https://doi.org/10.1111/jssr.12261>
24. Stene, N., 2020, Leaving Islam for Christianity: Asylum Seeker Converts, *Handbook of Leaving Religion*, in: Enstedt, D., Larsson, G., Mantsinen, T. (eds.), *Handbook of Leaving Religion*, Brill, p. 210—219, https://doi.org/10.1163/9789004331471_018
25. Ahonen, T. 2020, Bound to hospitality: An asymmetry of power in the Finnish church asylum movement, *Approaching Religion*, vol. 10, № 2, p. 158—170, <https://doi.org/10.30664/ar.92097>
26. Sakki, I., Pettersson, K. 2018, Managing stake and accountability in Prime Ministers' accounts of the "refugee crisis": A longitudinal analysis, *Journal of Community and Applied Social Psychology*, vol. 28, № 6, p. 406—429, <https://doi.org/10.1002/casp.2358>
27. Crawley, H., Skleparis, D. 2018, Refugees, migrants, neither, both: categorical fetishism and the politics of bounding in Europe's 'migration crisis', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 44, № 1, p. 48—64, <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1348224>
28. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2024, Модели противодействия сегрегации этноконфессиональных иммигрантских районов в Дании и Швеции, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 81—99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-5>
29. Horsti, K., Saresma, T. 2021, The role of social media in the rise of right-wing populism in Finland, in: Tumber, H., Waisbord, S. (eds.), *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*, Routledge.

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия; доцент кафедры политологии, социологии и международных процессов, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

ETHNIC AND RELIGIOUS ASPECTS OF IMMIGRATION PROCESSES IN FINLAND

E. Yu. Talalaeva^{1, 2}

T. S. Pronina¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoye Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

² Derzhavin Tambov State University,
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392036, Russia

Received 22 April 2024

Accepted 18 September 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-5

© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2025

The article analyzes the role of religion in the context of the contemporary Finnish migration system. The European migration crises have become a national challenge for Finnish society. The integration of (im)migrants, whose ethnic and/or religious affiliation is often opposed to the value-based and ideological foundations of Finnish civic identity, is accompanied by a number of problems. The most significant of them is the escalation of racism and discrimination against migrants by Finns and social structures. The Finnish Migration Service (MIGRI) has been confronted with an unprecedented number of religious conversions from Islam to Christianity by Muslim migrants who use religious conversion as a way to gain asylum or avoid deportation to their home countries on the grounds of a risk of religious persecution. The Ecumenical Council of Finland has criticized the ambiguity of the methods for assessing the credibility of religious beliefs of newly converted Christians. At the same time, the increasing number of decisions to deport aliens to unsafe areas has divided the Finnish public into those who support accepting asylum seekers from Muslim countries and those who support anti-immigration movements. An analysis of statistical data and empirical material in the works of Finnish researchers shows that religious conversion is a popular migration strategy despite its low efficiency, the manifestation of Islamophobia in Finnish society towards migrants with Muslim background and the possible negative consequences of religious conversion from Islam to Christianity. The authors conclude that religion is an important aspect of social consolidation and integration of foreign cultural migrants, but the formation of religious identity in school education largely contributes to the opposition of 'us' and ethno-religious 'others' in Finnish society.

Keywords:

Finland; migrant crisis; asylum seekers; deportation; religious conversion; ethnic and religious identity; migrants with Muslim background; discrimination

References

1. Heino, H., Jauhiainen, J. S. 2020, Immigration in the Strategies of Municipalities in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 3, p. 73—89, <https://doi.org/10.33134/njmr.345>
2. Koiranen, I., Äystö, T., Kyyrö, J., Ahonen, T., Hjelm, T. 2023, Kristillisestä valtiosta kulttuuriseen kristillisyyteen: Kristillinen nationalismi 2020-luvun Suomessa, in: Kuivala, P., Sevillano, A. (eds.), *Kristinusko ja nationalismi: Kristendom och nationalism*, № 113, Helsinki, Suomen kirkko-historiallinen seura, p. 96—129.
3. Näre, L., Abdelhady, D., Irastorza, N. 2022, What Can We Learn from the Reception of Ukrainian Refugees?, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 12, № 3, p. 255—258, <https://doi.org/10.33134/njmr.620>
4. Voynikov, V. V. 2023, EU travel restrictions for Russian citizens: political and legal issues, *Sovremennaya Evropa*, № 3, p. 20—32, <https://doi.org/10.31857/S0201708323030026>
5. Puuronen, V. 2011, *Rasistinen Suomi [Racist Finland]*, Helsinki, Gaudeamus.
6. Masoud, A., Kurki, T., Brunila, K., Holm, G. 2023, Racialised Integration: Arabic-Speaking Refugees and Immigrants' Experiences on the Paradoxes of Integration, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 1, <https://doi.org/10.33134/njmr.543>
7. Rynänen, S., Nortio, E., Varjonen, S. 2024, 'They Actually do Get More Money': Using Myths in Justifying Hierarchies in Ethnic Relations, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.600>
8. Martikainen, T. 2014, Muslim immigrants, public religion and developments towards a post secular Finnish welfare state, *Scandinavian Journal of Islamic Studies*, vol. 8, № 1, p. 98—105, <https://doi.org/10.7146/tifo.v8i1.25324>
9. Slivkina, V. A. 2023, The problem of muslim immigrants' integration in Italy and Finland, *Pushkin Leningrad State University Journal*, № 3, p. 214—227, https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_214
10. Wilson, E. K., Mavelli, L. 2019, The refugee crisis and religion: an overview, in: Petersen, M. J., Jensen, S. B. (eds.), *Faith in the system? Religion in the (Danish) asylum system*, Aalborg Universitetsforlag, p. 19—25.
11. Pronina, T., Talalaeva, E. 2023, Migration and Religion: Main Areas of Research, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, vol. 41, № 2, p. 7—29, <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-7-29>
12. Virkkunen, J., Gadzhimuradova, G. 2018, Migration, extremism and terrorist threat in Finland, *Sovremennaya Evropa*, № 5, p. 131—141, <https://doi.org/10.15211/soveurope52018131141>
13. Korpela, M. 2024, 'Where Should the Orthodox Christian Go?' Distinctions Based on Religion and Language in a Finnish International School, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 14, № 4, <https://doi.org/10.33134/njmr.607>
14. Zacheus, T., Kalalahti, M., Varjo, J., Saarinen, M., Jahnukainen, M., Mäkelä, M.-L., Kivirauma, J. 2019, Discrimination, Harassment and Racism in Finnish Lower Secondary Schools, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 9, № 1, p. 81—98, <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0004>
15. Bodström, E. 2020, 'Because Migri Says So': Legitimation in Negative Asylum Decisions in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 10, № 2, p. 5—19, <https://doi.org/10.33134/njmr.134>
16. Pirkkalainen, P., Näre, L., Lyytinen, E. 2022, 'I do not trust any of them anymore': Institutional distrust and corrective practices in pro-asylum activism in Finland, *Current Sociology*, vol. 72, № 3, <https://doi.org/10.1177/00113921221129313>
17. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Emotions and Affect in Deportation: The Transformative Power of Social Relationships, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, № 3, <https://doi.org/10.33134/njmr.714>
18. Shlapeko, E. A., Kondrateva, S. V. 2021, Migration as a National Security Challenge: Problems of Asylum Seekers' Adaptation (A Case of Tornio, Finland), *Tomsk State University Journal*, № 466, p. 150—157, <https://doi.org/10.17223/15617793/466/18>
19. Näre, L. 2020, 'Finland kills with a pen' — asylum seekers' protest against bureaucratic violence as politics of human rights, *Citizenship Studies*, vol. 24, № 8, p. 979—993, <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1769559>

20. Gadd, K., Al-Jouranj, H., Pirjatanniemi, E. 2022, Maasta poistamisen oikeudelliset edellytykset ja irakilaisten kokemukset paluusta Irakiin, in: Pirkkalainen, P., Lyytinen, E. (eds.), *Suomesta poistetut: Näkökulmia karkotuksiin ja kääntymyksiin*, Vastapaino, p. 247–270, <https://doi.org/10.58181/VP9789517689960>
21. Horsti, K., Pirkkalainen, P. 2023, Deportability of Christian Converts and the Controversy Over Faith in Finland, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 13, №4, <https://doi.org/10.33134/njmr.586>
22. Miller, D., Johnstone, P. 2015, Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census, *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, vol. 11, 10.
23. Marti, G. 2016. 'I Was a Muslim, But Now I Am a Christian': Preaching, Legitimation, and Identity Management in a Southern Evangelical Church, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 55, №2, p. 250–270, <https://doi.org/10.1111/jssr.12261>
24. Stene, N., 2020, Leaving Islam for Christianity: Asylum Seeker Converts, *Handbook of Leaving Religion*, in: Enstedt, D., Larsson, G., Mantsinen, T. (eds.), *Handbook of Leaving Religion*, Brill, p. 210–219, https://doi.org/10.1163/9789004331471_018
25. Ahonen, T. 2020, Bound to hospitality: An asymmetry of power in the Finnish church asylum movement, *Approaching Religion*, vol. 10, №2, p. 158–170, <https://doi.org/10.30664/ar.92097>
26. Sakki, I., Pettersson, K. 2018, Managing stake and accountability in Prime Ministers' accounts of the "refugee crisis": A longitudinal analysis, *Journal of Community and Applied Social Psychology*, vol. 28, №6, p. 406–429, <https://doi.org/10.1002/casp.2358>
27. Crawley, H., Skleparis, D. 2018, Refugees, migrants, neither, both: categorical fetishism and the politics of bounding in Europe's 'migration crisis', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 44, №1, p. 48–64, <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1348224>
28. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2024. Models for countering the segregation of ethnoreligious immigrant areas in Denmark and Sweden, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 81–99, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-5>
29. Horsti, K., Saresma, T. 2021, The role of social media in the rise of right-wing populism in Finland, in: Tumber, H., Waisbord, S. (eds.), *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*, Routledge.

The authors

Dr Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia; Associate Professor, Department of Political Science, Sociology and International Relations, Derzhavin Tambov State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

